

К

огда Женек был маленький, Славка всегда защищал его от дворовых хулиганов. Помогал выводить двойки из дневника. Забирал с тренировок, когда мать задерживалась на работе, а однажды даже ходил вместо нее на родительское собрание. Все вокруг знали: у Женьки Смирнова есть старший брат, и если что — дело придется иметь с ним. А иметь дело со старшим Смирновым никому не хотелось.

Шли годы. Разница в шесть лет, казавшаяся в детстве неодолимой пропастью, незаметно стерлась. Оказалось, что со Славкой можно и выпить вместе, и обсудить фигуру Ирки Костровой из 9 «Б», и посидеть во взрослой компании, где играли на деньги в карты и обсуждали серьезные мужские дела.

Славка был умный. Щелкал задачи по математике не хуже отличника Лосева, формулы на лету запоминал, в уме считал, как калькулятор. Но главное — имел нюх на деньги. Как-то раз он придумал многоходовую комбинацию обмена, в результате которой блок жвачки «Педро», привезенный соседом Степаном Петровичем из дружественной Чехословакии, превратился в замшевую куртку со скользкой как змея молнией. За этот талант Славку уважали все, включая мать и Степана Петровича.

О Степане Петровиче следует сказать отдельно. Когда мать овдовела — а случилось это в год Славкиного совершеннолетия — сосед молча взвалил на себя все мужские обязанности по дому. Он и раньше был на подхвате — розетку починить, ножи поточить. Отец мотался по командировкам и не возражал против хозяйственной помощи соседа. В матери он не сомневался, а Степан Петрович был обязан ему жизнью. Однажды отец вытащил его из сизой мартовской полыньи, на себе притащил в дом, отпоил горячей водкой с перцем. Сам же от водки этой и помер раньше срока, оставив двух сыновей и недостроенную дачу в Курино.

Славка учился на четвертом курсе, а Женька тянул кое-как девятый класс, когда случилась эта история. Мать о ней не знала, Степан Петрович, может, и догадывался, но молчал. Братья скупали лом золота на «пятак» возле вещевого рынка и продавали его зубному технику Мовсесяну с немалым для себя барышом. На дворе стоял 1995-й. Мать получала зарплату то колготками, то бульонными кубиками, а однажды ей выписали инкубатор для яиц, который она полгода не могла сбыть, пока не нашелся новоявленный фермер из числа бывших коллег по конструкторскому отделу.

— Брать деньги у матери не по-мужски, — наставлял Славка младшего брата. — А на кармане у настоящего мужика всегда должно что-то шуршать.

Деньги ходили тогда миллионами, за покупками шли с брикетами купюр, перетянутыми резинками. В этой финансовой сумятице при феноменальном Славкином чутье дела братьев Смирновых пошли в гору. Мовсесян свои обязательства выполнял четко, недостатка в желающих продать золото не было. Не сумевшие «перестроиться» на рыночный лад сограждане несли самое дорогое — бабкины сережки, дедовы коронки и даже обручальные кольца. Но это редко, только по крайней нужде.

Крайняя нужда настигла Толика из первого подъезда. Шинный завод, где тот работал вулканизаторщиком, встал, жена сбежала с заезжим коммерсантом в Польшу. Сам он перебивался случайными заработками, которых катастрофически не хватало. Толик запил. А спустя месяц пришел на «пятак», помятый и несвежий, сжимая в руке с незагорелой вмятиной на безымянном пальце кольцо.

К тому времени дорожку к братьям Смирновым протоптали карманники, промышлявшие здесь же, на рынке. Пользуясь толчеей и покупательским возбуждением, охватывающим людей при столкновении с непривычным изобилием, они ловко скусывали с их шей цепочки, орудия специальными щипчиками вроде маникюрных. Братья догадывались о происхождении рваных цепочек, но их это не смущало — лом есть лом.

Однажды в светлую голову Славки пришла гениальная мысль: расширить дело и привлечь в свои ряды Толика — пусть не кланчит, а зарабатывает сам. Брат организовал отдельную ветку по скупке сомнительного золота и поставил Толика главным, назвав для пущей важности коммерческим директором. На «пятак» стали приносить не только разорванные цепочки с рынка, но и другие украшения. Толик раздал долги, отпустил пышные усы под Боярского и купил толстенную, нестерпимо сияющую цепь, подчеркивающую его новый статус. Выручка росла. По вечерам Женька помогал брату сортировать купюры, впитывая одновременно уроки жизни и бытовой мудрости. После каждого расчета младший получал свою долю, которая вмиг делала его героем двора и властелином девичь-

их сердец. Не только Ирка Кострова, но и другие девчонки стали заглядывать на него с нескрываемым интересом. Да и как иначе, если все соблазны — от ликера «Амаретто» до настоящего Диора в хрустящем целлофане — были доступны Женьке Смирнову.

Все сломалось в одночасье. В тот день Женек в школу не пошел. Собираясь на «пяттак», обмотал шею модным полосатым шарфом, забежал за сигаретами и поспешил за братом. Но вместо деловито снующих людей увидел окаменевшую толпу. Бледный Толик с запекшейся на губе кровью лежал щекой вниз на капоте милицейской машины. С другой стороны в такой же позе лежал мужик в черной куртке поверх тугой спины. Сирена смолкла, но голубой фонарь продолжал вращаться, чиркая по лицам зевак. Славка говорил о чем-то с бесцветным мужиком в штатском. Заметив краем глаза брата, махнул рукой в сторону обувных рядов — то был условный знак, обозначающий: «Иди мимо, я тебя не знаю». Женька поспешил свернул в сторону. Сердце дернулось и ухнуло в пустоту. Он размотал шарф, вытер мокрый лоб. Спрятался за выступ палатки, схватил первый попавшийся ботинок и, сделав вид, что рассматривает строчку, стал наблюдать за происходящим. Через некоторое время Славка подписал какие-то бумаги и вышел за ворота рынка. Женька окружным путем бросился в погоню. Воздух обжигал горло, полосатый шарф кусал шею.

— Что случилось? — выдохнул он, нагнав брата возле гаражей.

— А-а-а, ничего особенного, — Славка беспечно сплюнул под ноги. —

Толян влетел, — он пристально посмотрел в глаза младшего брата.

— Значит, и за нами скоро придут? — испуганно пробормотал тот.

Он вмиг представил кобуру, лицо матери, валидол, наручники.

— Не ссы, за нами не придут! — старший Смирнов отечески поправил на младшем шарф. — Разве что свидетельские показания снять. Но я тебе объясню: кому и что говорить. И чего не говорить.

— Как это — не придут? — не поверил Женька.

— Так это, — терпеливо объяснил брат, — Мовсесяна я уже предупредил. Все схвачено.

— А Толик?

— Что Толик? Толику придется сесть. Он знал, на что шел. — Славка не спеша закурил. — Но одному всегда меньше срок дают, чем группе. Так что я для него же стараюсь. Он дурак, пока не понимает этого, но скоро поймет. У тебя-то мозги, надеюсь, на месте? — Он выпустил изо рта струю дыма и прищурился на брата так, словно и впрямь усомнился.

— На месте! — поспешно заверил Женька, но отчетливо ощутил, что врет.

В голове все смешалось: синяя мигалка, распластанный на капоте Толик, спокойствие Славки, тугие брикеты от Мовсесяна, грудь Ирки Костровой под тонкой водолазкой, шумные компании, приятное осознание достатка и правоты. Когда мешанина, наконец, улеглась, безоговорочное доверие к старшему брату накатило с новой силой, оттеснив прочь все сомнения. Он взрослый. Он сильный. Он умный. Он знает, что нужно делать. Мать всегда ставила Славку в пример — ведь это он освободил ее от нужды торговать колготками и бульонными кубиками. Это брат научил его, Женьку, вести правильные разговоры с серьезными людьми. Он соединил их с Иркой, не было бы денег — не было бы Ирки. Год назад она даже не смотрела в его сторону! Все, что он сейчас имел и умел — только

благодаря брату. «Да, мысли у меня, слава Богу, на месте!» — успокоился Женька, прикурил у Славки сигарету, и братья плечом к плечу зашагали домой.

Суд прошел быстро. Женька с содроганием вспоминал тот день — как он, вспотев от напряжения, произносил заученные фразы, как предательски дрожал его голос. Как старался избежать он затравленного взгляда Толика, который так ничего и не понял. Как один раз все же пересекся с ним глазами, и что прочел он в этом взгляде. Последнее слово Толик промямлил себе под нос, часто моргая и хлюпая носом. Усов на нем не было. Нанятый Славкой адвокат произнес спич, и Толику дали всего год (а могли бы все пять, как уверял брат). Глуховатая Толикова мать ничего не поняла и продолжала тихо улыбаться, кивая товарищам сына, адвокату и судье.

Когда все кончилось, Славка залег на дно — прекратил сбор лома и всяческие сношения с Мовсесяном. Тут и выпуск в университете подоспел. Красный диплом сына вознес его в глазах матери на недостижимый пьедестал. Степан Петрович долго тряс Славкину руку, после чего, волнуясь как юнец, спросил разрешения на брак с матерью. Получив добро, взялся энергично достраивать заброшенную дачу в Курино — сделал мансарду, облицевал фасад, настелил террасу из яхтовой лиственницы. Все сам. Только материалы Славка оплачивал.

Вскоре старший брат женился и сам на тихой, невзрачной Оле из соседнего дома. А спустя месяц молодая семья уехала в Болгарию, к Олиной тетке. Оттуда перебрались в Испанию. Славка занялся вином. Женька тем временем поступил в политехнический институт и открыл ларек возле Гоголевского сквера. Ему тоже хотелось заслужить восхищение матери и уважение Степана Петровича. Доказать, что и он может зарабатывать деньги не хуже Славки, что уроки старшего брата не прошли даром. Стало кое-что получаться. Не так легко и феерично, как у Славки, но вполне себе.

Ларек проработал меньше года — городские власти надумали строить торговый центр и киоски снесли. После ларька была пиццерия. Потом автомойка. Одно время Женька гонял автомобили из Германии. Купил себе крутую тачку, нафаршировал hi-fi аппаратурой, да и разбил досадно в ночном стритрейсинге. Влез в сельхозрынок, занялся зерном. Поднял бабки, но был вытеснен Кабанчиком — не сумел без Славки договориться о процентах. Бросил зерно, открыл пункт приема цветных металлов. Не золото, конечно, но деньги пошли. Взял кредит на расширение. Просчитался. Чтобы вернуть деньги банку, вспомнил карточные игры. Отыграл долг, но бес попутал — не остановился вовремя. Устроился в коммерческий отдел ООО «Лазурь», но работать «на дядю» не смог. Для полета мысли требовалась свобода. Еле высидел, чтобы только отдать долги. Как ни крути, Женьке не хватало прозорливости брата, его острого ума и бытовой смекалки. А потому все его прожекты были как бы половинчатыми, сырыми, недодуманными. К тому же Славке всегда везло, а ему — через раз. Женька тосковал по тучным временам, когда мог сорить деньгами и всегда чувствовал за спиной твердую опору в лице старшего брата. И немного обижался, что тот не зовет его к себе в Испанию.

Каждый раз, проходя мимо первого подъезда, Женька ощущал неприятный холодок меж лопаток, хотя причин тому не было. Толика освобо-

дили досрочно, и они даже как-то выпивали вместе, вспоминая «пятак». Женька попытался, было, объяснить ему давний Славкин замысел относительно сроков, но Толик не стал слушать — ушел, не допив рюмки, бросив напоследок: «Из ума сшит твой братец!». С тех пор не виделись.

* * *

...Быстро и незаметно пролетели годы. Сменилось тысячелетие. Многое изменилось и в стране, и в семье Смирновых. Славка вернулся в Россию. В Испании остались вилла на Коста-Бланка и налаженный винный бизнес. С ним приехали беременная мальчиком жена и шестилетняя дочь Сонька, которой пора было идти в школу. Женька встречал их в Шереметьево. Волоча громыхающие чемоданы на колесах, ероша льняные волосы незнакомой девочки — своей племянницы, он с волнением предвкушал новый виток совместных с братом дел. Вот только возьмет ли его Славка?

Покончив с насущным — определив дочь в элитную гимназию, а жену — в перинатальный центр, удовлетворив любопытство матери и мелкие просьбы Степана Петровича, Славка позвал Женьку в гости.

Пыльный июль дышал кастильским зноем. Лишь к вечеру жара спала, и город вздохнул облегченно и обреченно — его ждала короткая ночная передышка, а после — снова пекло. Братья сидели в комнате окнами в пол с видом на застывшую, словно жидкая магма, реку. Пили вино, закусывали хамоном, крупными, в сливу величиной маслинами. Вспоминали общих знакомых. Женек подробно и обстоятельно отвечал на расспросы Славки касательно полученного самостоятельно, в его отсутствие опыта. И так выходило, что хвастаться ему было особо нечем — все по верхам и не до конца. Деньги водились, но с переменным успехом — то пусто, то густо. Единственной константой в его жизни была Ирка Кострова. Они так и не расписались, хотя давно жили вместе, в ее уютной квартирке, вдвоем с котом Феликсом. Ирка хотела детей, а Женька свободы. В остальном их желания совпадали.

Отставив пустую бутылку на пол, Славка подошел к винному стеллажу в глубине комнаты и задумчиво провел пальцем по темному дереву.

— Знаешь, что это? — спросил он, вынимая из ячейки бутылку с невзрачной, будто выцветшей этикеткой.

— Вино, — без энтузиазма отозвался Женька.

— Ясное дело, вино! Но какое?

— Слав, ну что ты спрашиваешь? Лучше тебя про вина никто не расскажет, так что давай — просвещай! Хотя по мне лучшее вино — виски.

— Это Риоха Альта Гран Резерва, — брат держал бутылку с благоговением, как неумелый отец младенца. — Очень редкое вино, производится примерно раз в пять лет, только когда климатические условия подходят для нужного вызревания ягоды. Технология сложная — не буду грузить тебя подробностями. Зато одна такая бутылка стоит как ящик стандартной поставки. И как три пузыря вискаря. Чуешь?

— К чему ты все это говоришь?

— А может, я хочу тебя в свой бизнес позвать! — старший брат цепко глянул на младшего и решительно распечатал драгоценную бутылку. — Ну что, будем пробовать?

Вино оказалось терпким и горьковатым. Ягодные ноты, которые так

расхваливал Славка, заглущался дымным привкусом, тоскливым и тревожным. Но огорчать брата Женьке не хотелось, и он кивал головой и поддакивал с видом заправского сомелье. Легкий хмель приятно расслабил тело. В окне косматилось солнце, цепляя багровую магму воды.

— Ладно, брат, признавайся: скучал по серьезным делам? — Славка самодовольно развалился в кресле с бокалом риохи. — Вот слушаю я тебя — мелко ты плаваешь, Женек! Не хватает тебе размаха. Смелости не хватает. Стратегического мышления.

Женька вскипел обидой, но лишь на миг — многое из того, что говорил брат, было чистой правдой. Но теперь они снова вместе.

— Пора, наконец, работать по-крупному, — продолжал напутствовать Славка. — Есть идея! Лучшая из всех, что я когда-либо придумал.

Он теснее придвинулся к брату и вкратце рассказал предысторию.

В Мадриде старший Смирнов случайно встретил Лешку Лосева (того самого отличника, с которым в классе по математике были ровней). Лосев, как и Славка, окончил финансово-экономический факультет, работает сейчас содиректором в крупном продовольственном холдинге, а недавно стал еще и его совладельцем. В Испанию приехал присмотреть недвижимость для летнего отдыха.

Сели обедать. И как это водится при встрече однокашников, которые не выдались с выпускного, но ревностно следили за успехами другого через общих знакомых, принялись бравировать друг перед другом достижениями: Славка хвалился площадью винных погребов, Лешка — числом филиалов, Славка европейскими медалями, Лешка — ростом прибыли, Славка виллой на Коста-Бланка, Лешка — домом на Николиной горе. Во время десерта договорились поработать по вину.

Славка приехал в Москву на переговоры и застрял там на полмесяца. Но сотрудничества не получилось: слишком давил по ценам Лосев, да и объемы были не те, чтобы всерьез заинтересовать холдинг. Но зато... брату удалось собрать компромат на деятельность компании «Product&Drink» и лично на Алексея Лосева. Славка довольно быстро понял, что контракт не будет, но медлил, затягивал время, будто бы раздумывая над условиями. Его не торопили. Он запросил избыточное множество документов. Запросил очень умно и ловко. Изучал, сопоставлял цифры, делал выводы. И копии. Кроме того, завел дружбу с увядшей экономисткой из отдела поставок. Но главное — вызнал пароль на компе Лосева и скачал несколько ценных файлов, пока тот любезничал по телефону с поставщиком. Они-то, эти файлы, и пригодились при разработке проекта. Расстались с Лосевым сухо, но без претензий.

Женька замер с недопитым бокалом в руке.

— Так ты хочешь сказать...

— Не перебивай старших! — жестко пресек его брат. — Дослушай. Итак, суть проекта: продать контракт на поставку вина с обязательством неразглашения имеющейся у меня закрытой информации. А теперь вопросы.

— Ты хочешь сказать, Лешка клюнет на шантаж? Купит вино на твоих условиях?

— Фу, как ты примитивен, Женек! — поморщился брат. — Шантаж — это когда любовница внебрачных детей предьявляет. — Славка навис над Женькиным ухом. — Ты пойми, Лосев может лишиться всего — доли, должности, возможно, и... чего-то большего, — он многозначитель-

но понизил голос. — Ему есть что терять. И он никогда не захочет потерять это, — брат поставил пустой бокал на край стола. — Да, и самое главное: поставки не будет.

— Как не будет? — поперхнулся Женька. — За что же тогда заплатит Лосев?

— За молчание.

Траурная тишина окутала комнату. Только шорох кондиционера оживлял пространство вкрадчивым шепотом.

— Слав, а ты уверен, что все получится так, как ты задумал? — заговорил, наконец, Женька.

— Более чем, — брат ждал этого вопроса. — Я все продумал до мелочей. Здесь откроем представительство, пару сделок проведем через него. После обналички — закроем. Юридически не подкопаешься. И потом ты же знаешь, как я разбираюсь в людях, — Славка улыбнулся и ткнул Женьку в лоб ладонью так, как делал это в школе после выведенной из дневника двойки. — Вот, взгляни, — он протянул брату испещренный цифрами и стрелками листок, — план действий. Я придумываю — ты исполняешь. Строго по плану, без самодеятельности. Согласен?

Предложение казалось заманчивым и неуязвимым. Стройный план, вычерченный рукой старшего брата, внушал уверенность и оптимизм.

— Какова цена вопроса? — задиристо спросил Женька и покраснел.

— Молодец! Правильные вопросы задаешь, — похвалил его Славка. — Будешь получать директорскую зарплату в тысячу баксов, плюс треть от суммы контракта по завершении проекта.

— Когда приступать?

— Считаю, уже приступил. Завтра подпишешь документы — и вперед!

* * *

Много раз, оглядываясь потом назад, вспоминал он тот душный июльский вечер, тревожный вкус вина, стекающее в магму реки светило. Вновь и вновь прокручивал в голове разговор с братом. План был безупречен. Славка предусмотрел все: финансовую схему, правовую базу, распределение ролей и возможные сценарии... все, кроме одного — того дерьма, в котором оказался теперь его младший брат. И у него не было инструкции, как вести себя дальше.

Сцепив пальцы, Женька сидел на топчане, крытом замызганным одеялом. Он вляпался по уши. Угодил в западню, искусно расставленную Лосевым, — тот оказался хитрее брата. Начала дня он не помнил — стерлось из памяти. Но хорошо помнил финал — людей в камуфляже на пороге банка, женский визг, хруст стекла. Истошный Славкин вопль в ухо: «Слышишь? Выкинь сейчас же телефон! Сломай! Разбей! Ничего не говори без адвоката!» и сверлящие барабанную перепонку короткие гудки. Женька послушно, на автомате отправил смартфон в аквариум за спиной — никто не заметил. И остался один на один с толпой людей, ворохом бумаг, с обрушившимся на него одиночеством, глухонемым, как утонувший телефон. Все подробности вроде отпечатков пальцев, меченых купюр и подписанных вслепую документов — казались мелкой рябью над глубиной понимания: это конец. Его отвезли в СИЗО, где он провел бессонную, полную голосов и криков ночь.

Наутро пришел адвокат, оформил бумаги, и Женьку отпустили под

подписку. Он был так вымотан, что не запомнил ни лица своего защитника, ни его имени, ни слов, что тот говорил на лестнице. Вокруг снова ли люди, обтекая их говорливыми ручьями. Пахло жженой листвой. Лоснящийся портфель с потемневшей ручкой и беззвучная артикуляция подвижного румяного рта — это все, что он помнил об адвокате.

К Ирке Женька не пошел, вернулся в родительский дом. Мать со Степаном Петровичем жили в Курино и ничего не знали. Он вымылся, переоделся, заварил себе чаю и стал набирать с домашнего телефона Славку. Тот не отвечал. Женька толкнул плечом дверь в их комнату — два письменных стола по-прежнему стояли возле окна буквой «Г» — крапчатый, желтый Славкин и вишневый Женькин. На Славкином стоял перетянутый по экватору изолентой глобус, на Женькином — кубок за второе место в городском турнире по боксу. Славкина стена была сплошь увешана грамотами и похвальными листами, на Женькиной теснились выцветшие плакаты Led Zeppelin и Pink Floyd. За окном накрапывал дождь. Женька лег на кровать поверх сбитого покрывала, свернулся, как в детстве, калачиком и провалился в сон. Ему снился гулкий двор, красный велосипед и голос брата, обращенный к невидимому из-за его спины обидчику: «Еще раз тронешь — зубов не досчитаешься!».

Поздно вечером Славка явился сам, без звонка и предупреждения. Молча вошел в дом, осмотрелся, потрепал Женьку по плечу. Сели на кухне, закурили.

— Вольский, красавец, ловко тебя выпутал, — после долгого молчания произнес брат, щурясь от дыма.

— Вольский?

— Ну да. Борис Ильич Вольский, твой адвокат. Вы разве еще не знакомы? Задаток я ему уже отдал, — Славка затушил в пепельнице сигарету и прикурил новую.

Младший Смирнов вспомнил утро. Камеру. Тесноту и смрад людского зверинца. Юркого дядьку с портфелем и румяным, словно после горячих щей, ртом. Разговор на лестнице. Значит, это и есть Вольский. Искусный фокусник, вернувший его из черного ящика СИЗО обратно в мир людей. Надолго ли?

— Слав, я не хочу садиться. — Женька уперся взглядом в синие клетчатые скатерти.

— И я не хочу, чтобы ты сел. Я вытащу тебя! — Славка хлопнул брата по плечу, кривясь улыбкой. — Вольский — он самый крутой в городе адвокат. Я и других подключу. Всех, кого надо, на уши поставлю. Только...

— Что только?

— Только я смогу сделать это, если буду на свободе.

— Ты и так на свободе.

— Сейчас да. Но следовательно будет гнуть тебя на групповое. Им это выгодно. — Славка мял в пальцах незажженную сигарету. — Тебя уже допрашивали? Спрашивали о сообщниках?

— Спрашивали.

— И что ты ответил? — Сигарета сплющилась и застыла.

— Ничего. Ты ведь сказал: без адвоката молчать.

— Молодец, Женька! — обрадовался брат. — Я в тебе не сомневался. Мозги на месте! — им овладело деятельное оживление. — Вольский — это уникум! Он гонорар свой космический не просто так берет — ни одного проигрыша! Надо его слушать, что скажет — то и делать. Все расходы я беру на себя.

Женька безучастно смотрел в ночную тьму за окном.

— Телефон твой где? — переменял тему Славка.

— В аквариум выбросил. Там, в банке.

— Ух, молоток! Горжусь! Завтра же вытащим. Кабанчика попрошу, пусть людей своих пошлет. На тебе пока этот, — он сунул в Женькину руку один из своих старых телефонов.

Старший Смирнов открыл блокнот и что-то стал набрасывать туда тонкой авторучкой, раскидывая по стенам зайчики. Лицо его было сосредоточенным и волевым.

— Славка, скажи мне, только честно: ты со мной как с Толиком хочешь? — Женькин голос дрогнул.

Старший брат замер. Блестящая ручка повисла над белым листом.

— Что ты такое говоришь? — он встряхнул Женьку и прижал к плечу его неподатливую голову. — Толик — он дурак, как был им, так и остался. Ты — другое дело, у тебя мозги на месте, — Славка приглаживал ладонью волосы брата. — Групповуха — это по восемь лет каждому, а так — три года максимум. Вольский напряжется и сделает условный. Таков был уговор. Ты не сядешь, слышишь? — я тебе гарантирую.

— А если... — отпрянул Женька. — Если я не соглашусь?

Славка побледнел. Ясные глаза его подернулись мутью, губы задрожали. Авторучка криво покатилась на пол и щелкнула о кафель.

— Я тебе раньше не говорил. У Ольги большие проблемы с беременностью, — он сгорбился и застыл. — Сама не родит. Нужна операция. Еще и сердце слабое. Если узнает... Я ей ничего не говорил. — Он с мольбой посмотрел на брата. — И Сонька... ей осенью в первый класс идти.

Женька отвел глаза. Впервые в жизни ему было жалко и противно смотреть на Славку. Как же так?! Он же старший! Он сильный. Он умный...

— А у меня Ирка, — глухо напомнил Женька.

— Да, знаю.

— Что будет с ней?

— Я позабочусь о вас обоих. — В глазах старшего брата царило смятение, высокий лоб покрылся испариной. — Когда все закончится — можете ехать на Коста-Бланка и жить там сколько захотите. Дом в вашем распоряжении.

Славка расстегнул ворот рубашки. Бледность ушла, лицо его пылало. Он вытащил из нагрудного кармана пузырек, вытряс на ладонь белую горошину и отправил ее в рот.

— Давление скачет, — пожаловался слезливо. — Это только в молодости шесть лет ерунда. Мне ведь, Жень, скоро пятый десяток стукнет.

Женька окинул брата беспристрастным взглядом и увидел то, чего раньше не замечал: седеющие виски, мелко подрагивающий уголок глаза, темные круги пота на рубашке. Славка постарел. Шесть лет разницы снова стали ощутимыми, как тогда, в детстве.

— Поклянись, что я не попаду в тюрьму! — Женька смотрел на брата в упор, сквозь прицел обиды, разочарования и злости. — Сонькой поклянись, пацаном своим будущим!

— Клянусь, — покорно отозвался Славка. — Только не топи меня, брат, а то оба на дно пойдём.

...Рассвело. Братья сидели за столом, словно чужие, избегая касаться рукавом или взглядом. Пепельница щерилась окурками. Чайник давно остыл. Молчание, дошедшее до краев ночи, обуглилось и окаменело. Им больше нечего было сказать друг другу.

В замочной скважине загремел ключ, отдавшись эхом в бледной, продрогшей за ночь комнате. Заскрежетали засовы, распахнулся волчок.

— Смирнов, письмо! — гаркнул голос за дверью, мятый конверт с заклеенным скотчем разрезом лег на подставку.

Женька нехотя поднялся, забрал письмо и, разорвав конверт, устроился под освещенным квадратом зарешеченного окна.

«Женечка, родной, здравствуй! — писала Ирка. — Как ты? Вольский сказал, что терпеть осталось недолго, апелляция уже в Верховном суде. Говорит, это недоразумение, что тебя посадили, и скоро он все уладит. Так что крепись, любимый! Маме твоей значительно лучше. Петрович не отходит от нее ни на шаг. А когда в аптеку или за продуктами надо — меня зовет. Я тут однажды суп сварила, пока Петрович по магазинам бегал, так она расплакалась и дочкой стала называть меня с тех пор. Слава звонил из Германии. Оля все еще в клинике. Без изменений. Соне наняли частных русских учителей. Она молодец, уже на трех языках шпарит, и к математике большие способности. Деньги твой брат переводит каждый месяц на карточку, но я их не трачу. Пока своих хватает. Вот вернешься и решишь сам, что с ними делать. Если честно, мне не хочется их брать. Но это твое дело. Видела на днях Толика из первого подъезда. Передает тебе привет. Он приехал на две недели в отпуск, мать проведать и теперь снова в Мончегорск.

Феликс к зиме растолстел как обычно. Я от него не отстаю — набрала 5 кг, врачаха ругается. Так и живем втроем — Феликс, я и пузожитель. Очень ждем тебя, Женечка! Особенно я жду и буду ждать, сколько потребуется. И малыша нашего жду. А ты?

Пиши о себе все, что хочешь, а я не мастерица писать письма. Лучше при встрече скажу. Помнишь, в девятом классе после дискотеки ты провожал меня домой? Помнишь, что спросил тогда и что я тебе ответила? Я помню. Только дурой была. Мне всегда нужен был ты, а не твои подарки. Только ты! Сейчас поняла, что надо было о другом просить. Прости, если глупости говорю. Беременным это позволительно. Целую и обнимаю тебя. Твоя Ира К.»

Женька прикрыл глаза и жадно принюхался к маленькому, выдранному из школьной тетрадки листку, хранящему миндальный запах Иркиных рук. Вытянулся до хруста на суровых складках казенного одеяла и понял, что необъяснимо и безгранично счастлив.

АЛЬБИНА

— Вам кого? — хмуро спросила открывшая дверь заспанная женщина в мятом халате.

— Аль, ты что, меня не узнаешь?! — растерялась Ирина.

Хозяйка сощурилась, пытаясь угадать в стоявшей напротив незнакомке знакомые черты.

— А должна? — Она заслонила рукой от яркого солнца и шатко отступила назад. — Нет, не узнаю.

Дом со следами былой роскоши за спиной Альбины поблек и обветшал так же, как и его хозяйка. В приоткрытую дверь виднелись разбросанные по полу туфли, пустые коробки, какие-то тряпки. Густой аромат кофе, духов и дорогих сигарет витал над руинами красивой жизни. Аля

пила. Давно и крепко. Ничего не помогало. Врачи бессильно разводили руками. Не останавливало даже соседство взрослого сына. Да и чем можно остановить сознательно пьющую женщину?

— Я — Ира, — терпеливо произнесла гостя, — Ирина Климова, в девичестве Бондаренко — неужели не помнишь? Журнал «Бомонд». Я у тебя интервью брала.

Аля вздрогнула, взгляд ее сфокусировался на переносице визитерши, но она так и не вспомнила.

— Интервью, говоришь? — хрипло хохотнула хозяйка, запахивая во рот.

— И даже не одно. В рубрику «История успеха», — зачем-то уточнила Ирина.

Аля нахмурилась и, покачнувшись, оперлась о косяк.

— Ну, и что тебе от меня нужно? — Она раскинула руки, заслоня собой проход.

Полы шелкового халата встрепенулись и опали как крылья экзотической бабочки.

Когда-то, лет пятнадцать назад, блистательная Альбина Гурьева была для Ирины эталоном успеха и красоты. Хозяйка модного арт-кафе, эффектная нордическая блондинка, светская львица, без которой не обходилось ни одно культурное событие. Плюс к тому жена удачливого бизнесмена и мать вундеркинда. Столкнувшись по деловой линии, женщины как-то неожиданно сблизились. Ходили вместе на светские рауты и премьеры, пили кофе и посещали класс йоги. Но подругами не стали. Подруг у Альбины не было принципиально. А вот друзей... Среди ее поклонников значились известный в городе адвокат, главный режиссер драмтеатра, профессор-физик, популярный ди-джей, тренер сборной по ушу — это только беглый список. Однажды Аля в приступе откровенности призналась, что еще до свадьбы они договорились с Гурьевым о полной свободе в отношениях. Оба считали брак независимым и равноправным партнерством, а супружескую верность — пережитком прошлого. Потому Альбина никогда не стеснялась афишировать свои бурные романы и мелкие интрижки.

От одного из бывших ее любовников — тренера по ушу — Ирина и узнала случайно о разводе Гурьевых и болезни Альбины. Климову поразило холодное безразличие, с которым тот объявил диагноз: алкоголизм в третьей стадии. А у Иры что-то екнуло внутри, словно Аля была ей родной сестрой или близкой подругой. Потом все забылось, и чередой дел закружила, вытеснив из головы все лишнее, второстепенное.

Как-то, расчищая от завалов антресоль, Ирина наткнулась на кипу старых журналов «Бомонд». Пыльную стопу венчал новогодний номер семилетней давности с портретом Али на обложке. Как она? Что с ней? — Ира принялась наводить справки, осторожно выспрашивая общих знакомых. Те лишь пожимали плечами — никто толком ничего не знал. Кое-как удалось выяснить, что живет Альбина все там же: на улице Мира, в том самом доме, что построил для нее Гурьев. Этот особняк, сверкающий среди серых хижин, был когда-то излюбленным местом встреч городской богемы. Теперь у богемы были другие адреса и покровители. Альбина не работает, арт-кафе закрыла, живет на ренту от сдачи недвижимости и, в общем-то, не бедствует. С нею вместе в особняке обитает и сын Гурьевых, Виктор, превратившийся из вундеркинда в обыкновенного оболтуса.

Полтора года Аля путешествовала по Индии, жила в уединенных ашрамах всемирно известных гуру. Но ей наскучили тропики, и она вернулась домой так до конца и не просветленной. Дома помимо бардака и запустения Аля обнаружила худющего Витьку в окружении сомнительных друзей и подруг. В отсутствие родителей сын бросил институт, продал подаренную на совершеннолетие квартиру и вернулся в отчий дом в невинной уверенности, что предки как-нибудь все разрулят и утрясут. Но утрясать было некому: Гурьев к тому времени снова женился и уехал жить в Италию, а Аля и сама нуждалась в помощи. Словом, жизнь покатилась под откос. Но некому было остановить крушение. Ни титулованный адвокат, ни главный режиссер, ни тренер по ушу — никто не мог или не хотел ввязываться в чужую жизнь бывшей пассии. Да и не было на свете сил, способных удержать импульсивную, своевольную Альбину. Время от времени экс-супруг приезжал на родину, оплачивал дорогостоящую процедуру кодирования, восстанавливал сына в институт и с чувством выполненного долга уезжал обратно. И все повторялось по кругу...

...Аля по-прежнему стояла в дверях, заслоняя собою вход в дом. Насарив в кармане пачку сигарет, она вытащила длинную ментоловую соломинку и, чиркнув зажигалкой, закурила.

— Проваливай! — проговорила устало, обдав Иру облаком мятного дыма.

— Может быть, хоть чаем угостишь? — осмелела гостья.

— Что-о-о?! — Соломинка чуть не выпала изо рта.

— Давай чайку попьем, — порывшись в сумке, Ирина протянула Альбине жестяную коробку печенья.

— Ну, знаешь ли, — от такого поворота Аля опешила, жадно затянулась сигаретой, но не прогнала и не оттолкнула. — Ладно уж, странная женщина, — спустя минуту разрешила она, — только учти, у меня бардак, домработница приходит по четвергам, и потом я не уверена, что найду заварку. Да, и вот еще: не вздумай мне морали читать!

Перечислив условия, Аля опустила, наконец, руку-шлагбаум, и Ира шагнула вслед за ней в пыльный полумрак прихожей.

Отшвырнув носком ворох кружева, хозяйка повела гостью в столовую с видом на заросший крапивой сад. В оранжевой от заката комнате кружились тополиные пушинки. Разбросанные по полу журналы, баночки с кремами, флаконы духов напоминали прилежно разложенный студийный реквизит. Дубовый стол с монументальной столешницей был сплошь усеян крошками, обертками конфет и шоколадными обломками. Немытые чашки — от фарфорового наперстка до литровой кружки с кофейной гущей на дне — теснились на столе вперемешку с пузырьками лекарств. Стояли здесь и пустые стаканы всех форм и размеров, некоторые со следами губной помады. Из вазы торчал увядший букет роз.

— Завтра придет Нина и все уберет, — небрежно бросила Аля, поймав взгляд гостыи.

Она сдвинула мусорную гору в сторону, расчистив кусок стола, достала с полки две разномастные чашки. Начала хлопать дверцами шкафа в поисках заварки, раздражаясь с каждой минутой все больше и больше от присутствия за спиной навязчивой незнакомки, от своего опрометчивого гостеприимства и утренней головной боли.

— Я предупреждала: нет у меня заварки, — процедила Аля. — Зато

есть кое-что получше, — она грохнула о стол початую бутылку «Хеннеси». Вытащила из холодильника блюдо с подсохшими лимонными дольками и ломоть пармезана. — Будешь? — с вызовом спросила Ирину и, не дожидаясь ответа, плеснула в свой бокал. Грубо накромсала сыр, взломала коробку принесенного гостьей печенья.

— В этом доме самообслуживание, — объявила она и залпом выпила коньяк.

На мгновение прикрыла глаза и сделалась прежней Альбиной — красивой, хрупкой. Щеки ее порозовели. Ресницы дрожали над тонкими скулами. Изящная аристократическая кисть замерла у ворота халата, сжав в горсть шелковую ткань. Она медленно открыла глаза. Ее взгляд скользнул по батарее стаканов и чашек, по натюрмортам на стенах, солнечному пейзажу за окном и остановился на лице гостьи.

— Климова... ты что ли?! — смутилась она.

— Ну, наконец-то, — вздохнула с облегчением Ира. — Неужели я так изменилась? Признайся, ты притворялась все это время?

— Хотелось бы ответить «да», но нет, — Аля подцепила прозрачную дольку лимона.

— Ты хочешь сказать...

— Да ничего я не хочу! — замахала руками Альбина, — ни говорить, ни слушать, — она сморщилась от острой кислоты и некоторое время сидела зажмурившись. — Ты, надеюсь, не по заданию редакции пришла? — насторожился Аля и тут же потеряла интерес.

Налила себе новую порцию и без предисловий выпила.

— Что не пьешь? — спросила мрачно. — Сказала ведь: самообслуживание. — Ее пальцы, цепляющие ломтик сыра, дрожали. — Пришла-то чего?

Ирина молчала.

— Жалеть меня собралась, что ли? Или учить? — Гурьева презрительно скривила рот. — А может, хочешь посмотреть, чем закончилась моя «история успеха»? Полюбоваться, во что я превратилась?

— Все мы меняемся, — мягко заметила гостья.

— Все-то все, да все по-разному, — шатаясь, Аля поднялась со стула и распахнула халат.

Тело ее — матовое, золотистое от какого-то особенного загара, в дорогом кружевном белье — словно принадлежало другой женщине. Ира невольно залюбовалась.

— Теперь ты! — потребовала Альбина.

— Не буду. Мне хвастаться нечем.

Гурьева запахнула халат и торжествующе опустила на стул. Бокал ее вновь наполнился.

— Завидууй! Так и быть, разрешаю, — Аля томно потянулась. — Я и сама себе иногда завидую! Вот и бой-френд мой, Феликс, гениальный фотограф — Витьке, кстати, ровесник — говорит: «Время не властно над истинными ценностями!» — это он про меня! Я, значит, для него истинная ценность — поняла? — Гурьева с вызовом посмотрела на Ирину и снова потянулась к бутылке.

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату просунулась взлохмаченная голова молодого, но уже потрепанного жизнью человека.

— Мам, деньжат не подбросишь? — увидев мать в компании незнакомой женщины, сын стушевался, но ненадолго. — Здравсьте.

— Я тебе два дня назад уже подбрасывала, — напомнила ему Альбина.

— Так то было два дня назад!

— Не хочет ни работать, ни учиться, шалопай. Все бы на чужой шее висеть, — обратилась в пустоту захмелевшая женщина.

— Почему же на чужой? — возмутился Витька. — Мам, ну разве ты мне чужая? Что ты такое говоришь?

— Так, заканчивай комедию ломать! — прикрикнула на него Аля. — Перевод я тебе сделала на месяц, и больше не клянчи, слышишь? Хотя бы тетю Иру постеснялся!

— Тетю Иру, — хмыкнул парень и громко хлопнул дверью.

Стаканы отозвались нежным треньканьем.

— Вся беда в том, что денег завались, — заплетающимся языком призналась Альбина. — А толку? Все просаживает в казино!..

Она уже порядком опьянела. На крыльях точеного носа выступили бисеринки пота. Помада осталась на кромке бокала. Ее лицо, словно отделенное от безупречного тела, старилось на глазах, как портрет Дориана Грея...

Ирина поняла, что чая не будет. И разговора не получится. Ее затея оказалась пустой. Ну, живет себе человек — и живет. Как хочет — так и живет! Кто она такая — влезать в чужую судьбу?

С этими мыслями Ира встала из-за стола, не попав в фокус остекленевших глаз Альбины, пробралась на ощупь по мрачному коридору и тихо прикрыла за собой дверь.

* * *

...Прошло лето. На излете октября Ирина снова вспомнила об Але. На глаза попала заметка о женском алкоголизме — и в памяти всплыл остекленевший взгляд Альбины, ее аристократическая кисть, сжимающая горлышко бутылки.

К походу в этот раз готовилась основательно. Первым делом встретила с другом детства — заслуженным наркологом города Жаровым, чтобы узнать, как вести себя с больными в третьей стадии алкоголизма. Купила коробку элитного чая «Даржилинг». Нашла книгу Сони Малевич «Исповедь алкоголички». Несмотря на ужасное название, история заканчивается хеппи-эндом: героиня побеждает страшный недуг и возвращается к нормальной жизни. Вооружившись книгой, чаем и решимостью во что бы то ни стало разговорить Алю, Ирина отправилась по знакомому адресу.

Зачем ей это было надо? Она и сама толком не могла объяснить. Ее собственная жизнь — размеренная и благоустроенная — томила однообразием. Не было в ней ни взлетов, ни падений. Никогда Ирина не билась в страстях, никогда не рисковала, не становилась предметом сплетен и пересудов. Хотела ли она этого? Вряд ли. Но яркая, как комета, Альбина всегда манила Иру коснуться хотя бы шлейфа искрящейся событиями звездной жизни.

Обратная сторона блеска, изнанка роскоши предстала перед Климовой в тот день, когда она впервые после долгого перерыва переступила порог дома Гурьевых. Шок? Да. Но и жалость. Та щемячья бабья жалость, что заставляет плакать над судьбами далеких, чужих соплеменниц. Аля не была для Ирины чужой. Но и близкой не была. Когда-то Альбину ок-

ружало многочисленные приятельницы, партнерши, наперсницы и приживалки. Но ни одна из них не могла приблизиться к Гурьевой теснее, чем та позволяла. А ей позволила — подпустила на шаг ближе, чем всех остальных...

Дом был заперт. Сколько Ира ни звонила, сколько ни терзала кнопки домофона, особняк безмолвствовал. Зловеще щетинились крапивные кусты у забора. За стеклом окна, плотно занавешенного фиолетовой гардиной, билась в конвульсиях белая бабочка с обтрепанными крыльями.

— Вы к кому? — раздался из-за спины строгий голос.

Ирина обернулась и увидела полнотелую старуху в вязаном пальто.

— К Гурьевой Альбине, — ответила послушно, хотя и так было понятно, в чей дом она стучит. Латунная табличка возле парадного входа матово светилась в обрывках осеннего света.

— Альбины нет, — объявила соседка, — позавчера на скорой увезли.

— Куда увезли, не знаете?

— В областную, куда же еще, — старуха смерила Климову уничижительным взглядом и натужно вздохнула, — в платную наркологию.

— Спасибо, — бросила на ходу Ира, услышав в спину: «С жиру беситесь. Швабру бы ей в руки — некогда было бы болеть...»

Пока ехала на такси, навела справки, узнала номер палаты и только в коридоре поняла, что не знает, как и о чем говорить с Альбиной. Да и сможет ли та разговаривать?

Дежурный врач остановил Климову еще на дальних подступах. Гурьева велела никого к ней не впускать, а слово пациента платного отделения — закон. Тем более что сейчас она под капельницей. Разумеется, одиночная палата со всеми удобствами. Разумеется, персональная медсестра и внимание лучших врачей. Да, все условия. Нет, ничего не нужно. Как фамилия? Климова? Спросит и сообщит.

Спустя полчаса улыбчивая медсестра с брекетами проводила посетительницу в палату Альбины.

Первое, что бросилось в глаза Ирины, когда она вошла — Алины руки. Они тихо лежали поверх простыни — бледные и безвольные. Сгибы локтей с голубоватыми прожилками были исколоты иглами. Аристократические кисти, развернутые слегка вверх, словно ловили дождевые капли. На запястье пульсировала венка, каждый раз выталкивая наружу тонкую паутинку браслета. Такая же венка пульсировала и на виске. Глаза Али были закрыты.

Ира тихонько опустила на краешек стула — тот скрипнул и разбудил больную.

— Климова, это снова ты, — слабо улыбнулась она.

Вместо ответа Ирина потрясла возле уха коробкой с бенгальским чаем, шуршащим загадочно и многообещающе.

— «Дарджилинг», настоящий. Кипяток найдется? — она пошарила глазами по комнате.

— Не нужно. Я не хочу, — Аля опустила веки. — Ты с лечащим моим говорила?

— Нет.

— Ну и правильно. Я сама тебе все расскажу. — Альбина привстала, оперлась на локоть и пристально посмотрела на Ирину.

В прореме рубашки показалась худая ключица. Золотистого загара как не бывало.

— Только не здесь. — Она окинула тоскливым взглядом уютную комнату. — На воздух бы! Как там на улице?

— Не очень. С утра моросило. И холод собачий.

— Ты ведь отпросишь меня у Эдуарда Анатольевича? — проигнорировала сводку погоды Аля.

— Это и есть твой лечащий врач?

Она кивнула.

— А что, так не отпустит?

Аля отрицательно мотнула головой и затравленно посмотрела в окно.

— Ладно. Подожди, я скоро.

Ирина вышла из палаты, с трудом преодолевая потрясение. Она совершенно не узнавала Альбину. И дело не в том, что та была сегодня абсолютно трезва. Непривычно тиха, пугающе покорна. Из нее ушли те яркость, живость и блеск, восхищавшие когда-то Климову. словно выключили цветность, наложили черно-белый фильтр на радугу.

Эдуард Анатольевич — выбритый до синевы южанин с пухлым пунцовым ртом — цветности не вернул. Напротив — еще больше вычернил положение вещей. Оказывается, за последний год это уже шестая госпитализация Гурьевой. Бывший муж отказался оплачивать лечение, но у Альбины Сергеевны средства есть, а вот желания вылечиться...

— Вы ей кто? — спросил доктор.

— Не знаю, — пожав плечами, призналась Ира. — Но, кажется, она мне рада.

— Я потому и спрашиваю, что за последний год вы первая посетительница, которую она захотела видеть. Сказать по правде, к ней никто не ходит. Почти никто. Не считая ушлого папарацци, которого пришлось выставить с охраной, да пары женщин, которых Альбина Сергеевна не приняла. Сын навещал ее как-то, но она распорядилась больше его не пускать. Что-то у них на почве отцов и детей стряслось, не знаю, что именно, — она человек скрытный. Вот так... — нарколог утопил руки в карманах белого халата.

— Вы ничего не сказали про болезнь.

— Третья стадия, — потупил взгляд доктор. — Боюсь, что все уже необратимо. Печень практически разрушена. Сердце изношено. Меня еще удивляет сохранность интеллекта Альбины Сергеевны. Только фрагментарная амнезия. Но если так пойдет и дальше...

— Но вы же ее лечите!? — воскликнула Ирина.

— Разумеется, лечим. И будем лечить. Но этого недостаточно, — Эдуард Анатольевич потер синий наждак подбородка. — Знаете, мне иногда кажется, что она все прекрасно понимает и сознательно убивает себя. Да-да, это похоже на медленное самоубийство. А когда человек не хочет жить — его никто не может заставить.

— А психолог? Психиатр?

— Даже они.

По коридору к ним во весь дух мчалась молоденькая медсестра в распахнутом халате: «Эдуард Анатольевич! Эдуард Анатольевич! Там, в пятнадцатой! Женщине плохо!»

— Извините, мне нужно спешить, — доктор тронул Ирину за ру-

кав. — Вы погуляли бы с ней, если есть время. Ей будет полезно, — и побежал вслед за медсестрой в другой конец коридора.

Климова вернулась в палату, едва переставляя налившиеся свинцом ноги. Свинец был в плечах и в голове. Даже веки казались свинцовыми, было больно смотреть. Как Альбина ждала ее одетая, сидя в кресле с толстым клетчатый пледом в руках.

— Ну что — пойдём?! — бодро улыбнулась ей Ира. — Отпросила я тебя у Эдуарда Анатольевича. Только зонтик нужно захватить. — Она долго копалась в сумке, растворяя свинец во всем теле. Извлекла тугой свертком с черной кнопкой, стянула тесный чехол, выстрелила в потолок гибкими спицами, покрутила над головой пестрый купол, сложила, встряхнула жесткими фалдами, повесила на локоть. Забрала у Али плед, раскрыла настежь окно.

Женщины взялись под руки и побрели по длинному больничному коридору к лестнице, ведущей вниз.

В больничном парке было безлюдно. Последние желтые листья срывались с черных ветвей и долго кружили, словно примериваясь, прежде чем упасть на землю. Дождя не было, но утренняя морось вымочила все скамейки. Только одна, с отломанной доской, спрятавшись под сенью поредевшего дуба, была относительно суха. Ира накинула на нее плед, и женщины уселись, накрывшись с двух сторон мохнатыми клетчатыми краями. Говорить не хотелось.

Ира почувствовала боком, как мелко дрожит Альбина под толстым шерстяным покрывалом.

— Тебе холодно? Может, вернемся?

— Нет, это не от холода, — усмехнулась Аля. — Про абстинентный синдром слышала когда-нибудь? Это он и есть.

Снова воцарилась тишина. В неярные прогалы серого ватного неба пытались пробиться солнечные лучи.

— Помнишь, я тебе про нового любовника говорила? — спросила вдруг Альбина.

— Тот, который Витьке твоему ровесник? Фотограф?

— Фотограф. — Альбина болезненно поморщилась. — Он, знаешь ли, фотосессию мне устроил, — сообщила бесцветно.

— Это ж замечательно! — оживилась Ира. — С твоими-то внешними данными, Аля, можно до старости сниматься!

— Фотосъемка ню. «Пьяная вишня» называется. Здорово придумал — да? Креативный мальчик. Напоил, раздел догола и фотографировал... Я ничего не помню. Уже в сети увидела. — Альбину передернуло, она закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала.

Ирина обхватила ее за плечи, пытаясь своим телом унять судорогу.

— Теперь денег просит, чтобы из сети убрать.

— О, Господи! — Ира сжимала беззащитное тело подруги, оскверненное, отравленное, бьющееся в бессильных конвульсиях.

— Я-то денег ему дам, — хрипела Аля, — но ты ведь понимаешь, что теперь это никуда не уберешь! — Плечи ее тряслись. — Феликс, любовь моя прощальная... — Больная вырвалась из цепких объятий подруги и подняла лицо.

Ирина увидела, что та не рыдает, а смеется.

Поднялся ветер. Волосы Альбины разметало по пледу.

— Вот что, — деловито распорядилась она, отсмеявшись, — когда я

сдохну, ты, Климова, обязательно должна описать эту историю. Пообещай!

— С ума сошла?! — не выдержала Ира.

— Пока еще нет, — ответила Альбина задумчиво, — но не исключено. Эдуард Анатольевич считает...

— Аль, ну возьми же себя в руки! — взмолилась Ирина. — Ты рулила бизнесом, такой крутой была, столько у тебя связей — неужели какую-то болячку не одолеешь?! Феликс этот — да он просто негодяй и шантажист. Его под суд надо! Тот адвокат твой, или лучше сразу к силовикам...

— Что ты несешь, Климова? Какие силовики? — Она обмякла и опустила голову. — Связи... нет никаких связей. Есть только деньги. Ты не представляешь, как ужасно понимать, что тебя больше нет, а есть только эквивалент, которым тебя измеряют. Все.

— Слушай, а хочешь, я прессу подключу? — предложила Ирина. — Я, правда, уже отошла от дел, но несколько знакомых остались.

— И что? Только разнесут эту грязь дальше.

Аля откинула спутанные ветром волосы и приблизила свое лицо к лицу Ирины.

— Ир, а ты чего ко мне пришла? Может, попросить что-то хочешь, а стесняешься? Так ты не стесняйся! Вон сынок мой Витенька не стесняется. Принес вчера документы, нотариуса притащил. Мамочка, — говорит, — мало ли что с тобой может случиться, отпиши мне, дорогая мама, половину дома. Дай мне, родненькая, PIN-коды твоих карт. Я ему за этим только и нужна, — Аля наклонилась и подняла с земли ржавый лист с безобразной болячкой. — Ирка, мне страшно. Я так устала... — Она снова затряслась всем телом. — Я никому не говорила об этом, но шансов у меня нет... Я умираю, Ирка...

* * *

И она умерла. Ровно через двадцать дней после той встречи. Альбина лежала в гробу в пене из кружев, как живая — тонкие скулы, длинные ресницы, красивая прическа с диадемой. Только нос, заостренный чуть больше обычного, да замершая на виске венка, напоминали, что это не сон, а смерть. Аристократические кисти покоились одна на другой, прижимая к груди тяжелый золотой крест.

Вокруг теснились люди. Много людей. На их лицах читались все оттенки скорби по безвременно усопшей. Цветы — корзинами, охапками — все несли и несли. Всхлипывали женщины, вздыхали мужчины. Произносились речи. Вспоминались былые заслуги. Восхвалялись таланты и красота. Звучал Реквием в живом исполнении симфонического оркестра. У ног покойной неприкаянно томился единственный наследник, закрывшись от посторонних глаз черными стеклами очков. Гурьев, прилетевший из Милана в сопровождении жены, глубокомысленно молчал. Были здесь и тренер по ушу, и титулованный адвокат, и главный режиссер, и диджей, и профессор... Возможно, и негодяй Феликс присутствовал на этом скорбном сборище, но Ирина не знала его в лицо. Эдуард Анатольевич часто моргал, сжимая в руках корзину желтых роз. Домработница Нина терла опухшие глаза, оплакивая щедрую хозяйку, бросившую ее на произвол судьбы. Поодаль стояла и суетливо крестилась старуха в вязаном пальто.

Черный ноябрь торопил поскорее завершить похоронные формальности. Брызнул дождь, окропив слезами щеки Альбины. Лицо покойной прикрыли вуалью, а сверху полированной крышкой красного дерева. Гроб водрузили на катафалк. Расселись по машинам. И так получилось, что и в последний свой путь Альбина Гурьева отправилась снова одна. Почти одна — на лавке у гроба вместе с Ирой оказалась лишь старуха-соседка в вязаном пальто, не проронившая за всю дорогу до кладбища ни единого слова.

Когда первые комья земли застучали о крышку гроба, небо над могилой порвалось. Невесомые тополиные пушинки закружились в неистовом танце. Белые бабочки с обтрепанными крыльями колотились в обтянутые трауром спины, садились на цветы и замирали. Снег засыпал черную землю, и стало светлее. А может, светлее стало оттого, что навсегда закончилось Алино одиночество. И страх, и боль. Все плохое закончилось. А когда заканчивается плохое — начинается хорошее. По-другому и быть не может, — думала Ирина, глядя в бесконечно белое небо.

